

ФЕРДИНАНД ЛАССАЛЬ

(1825-1864)

О СУЩНОСТИ КОНСТИТУЦИИ. РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ОДНОМ
БЕРЛИНСКОМ БЮРГЕРСКОМ ОКРУЖНОМ СОБРАНИИ В 1862 ГОДУ

Милостивые государи!

Получив предложение произнести на настоящем собрании речь, темой для нее я выбрал вопрос, для переживаемого нами момента самый животрепещущий. Я намерен побеседовать с вами о сущности конституции.

Речь моя, замечу наперед, будет строго научна, и, несмотря на это и даже именно поэтому, надеюсь, она будет принята для всякого из вас, кто проследит за мною до конца.

...

Свой доклад я начинаю вопросом: что такое конституция? В чем ее сущность? Все в настоящее время с раннего утра и до поздней ночи толкуют о конституции. Газеты полны ею, о ней говорят во всех обществах, во всех гостиных, во всех трактирах. И, несмотря на это, я полагаю, что немногие из рассуждающих о конституции сумеют ответить на вопрос, в чем состоит сущность конституции.

Ответ на этот вопрос нам неизвестен; мы будем стараться сообща найти его и для этого прибегнем к методу самому обыкновенному, методу, которым пользуются всегда для установления ясного представления о каком-либо предмете. Метод этот несложен, суть его в том, что мы прибегаем к сравнению изучаемой нами вещи с вещью однородной и нам хорошо известной. Из сравнения этого мы стараемся вывести наиболее рельефно и полно ту разницу, которая, несмотря на кажущуюся полную однородность между сравниваемыми предметами, имеется.

Имея в виду именно этот метод, я ставлю вопрос, какая разница между конституцией и законом?

Сущность и конституции, и закона очевидно однородна: конституция, имея силу закона, тем самым должна быть законом, но в то же время она должна быть больше закона — в этом искомая нами разница. Что эта разница существует, видно из множества фактов. Приведем пример: вы не только не считаете вредным, что издаются новые законы, но признаете совершенно необходимым издавать ежегодно их в известном большем или меньшем, смотря по надобности, числе. Каждый новый закон, далее, непременно вносит какое-либо изменение в уже существующее законоположение; если бы этого не происходило, то не к чему было бы и издавать новых законов. Таким образом, вы не находите ничего дурного в том, чтобы законы менялись, и видите даже в этом одну из постоянных и важных задач правительства, но пусть кто попробует коснуться конституции, и вы тотчас же придете в негодование и закричите: прочь руки! Откуда такое различие? А различие это настолько существенно и непреложно, что некоторыми конституциями непосредственно устанавливается: одни конституции гласят, что конституция совершенно не может быть изменяема, другие, — что она может быть

изменена только по требованию двух третей членов законодательного собрания, третьи, — что никакие перемены в конституции не могут быть произведены самостоятельно правительственными органами, хотя бы в полном даже составе и объеме: это право совершенно особого, специально с этой целью собираемого выборного учреждения, которому правительство предлагает ввести в конституцию те или иные изменения. Приведенные факты указывают на то, что в сознании всех народов конституция является чем-то более крепким, святым и неизменным, чем обыкновенный закон.

Повторяю снова свой вопрос: чем отличается конституция от обыкновенного закона? На такой вопрос всего скорее можно ждать ответа: конституция не просто закон, а закон основной для данной страны. В этом ответе, милостивые государи, пожалуй, заключается истина, но она недостаточно ясно выражена. Эта неясность ведет тому, что полученный ответ в нашем искании истины нам мало принесет пользы. В самом деле, ведь сейчас же является новый вопрос, какая разница между законом просто и законом основным? Мы не нашли, таким образом, решения занимающего нас вопроса, мы только и исключительно заменили одно слово другим; введение названия основной закон нисколько нам не помогает, пока мы не знаем разницы между основным и всяким другим законом.

Попытаемся, однако, разобраться, какие представления возникают при названии основной закон, говоря иначе, поищем, чем именно какой-либо закон должен отличаться от всех остальных, чтобы заслужить названия основного.

Основной закон, как уже сам эпитет показывает, должен быть глубже всех остальных законов и должен служить остальным законам основой. Основной закон, таким образом, является источником духа всех остальных законов, он во всех них должен в той или иной мере проявляться.

Все, что имеет определенное основание, не может по произволу быть тем или другим: оно должно быть таково, каково есть, ничем другим быть не может: остающееся неизменным основание никаких изменений не терпит. Только то, что не имеет определенного основания, является случайным, может быть как таковым, как оно есть, так и иным: все же, что имеет свое основание, должно быть только таковым, как есть. ...

Мы установили, милостивые государи, таким образом, что конституция составляет в стране основной закон, и это бросает первый луч света на ее сущность. Конституция является, как мы пока нашли, той силой, которая направляет все другие законы и общественные правовые учреждения, направляет неослабно и непрерывно Законы и установления в данной стране из-за зависимого, подчиненного к конституции положения могут быть только тем, что он есть; в каждой стране со времени издания конституции могут быть издаваемы только известного характера законы, и других в ней быть; не может.

Мы сделаем еще шаг вперед для уяснения интересующей нас истины, если ответим на новый вопрос: существует ли в стране какая-нибудь регулирующая постоянно действующая сила, которая оказывала бы влияние на все издаваемые в стране законы, влияла бы так, чтобы законы эти в известных границах всегда были таковы как они есть, и не могли бы быть иными?

На этот вопрос мы должны ответить утвердительно: такая сила существует, и сила эта то фактическое соотношение сил, которое существует в данном обществе. Эти

действующие соотношения сил присущи всякому обществу, они составляют постоянно действующую силу, определяющую все законы и все правовые учреждения данного общества и делающую их такими, как они есть, и никакими другими.

Мысль моя станет понятнее на конкретном примере, хотя пример в той форме, как я его ставлю, является на деле чем-то совершенно невозможным. Ниже мы увидим, однако, что в некотором видоизменении наш пример уже становится возможным, да наконец, дело не в этом, а в том, чему мы на этом примере желаем поучиться; мы будем рассматривать, что произойдет, если подобное явление случится.

В Пруссии, как вы, милостивые государи, знаете, силу закона имеет лишь то постановление, которое напечатано в своде законов. Свод законов печатается в правительственной типографии Декера, оригиналы законов хранятся в архивах государственных, законы в печатаном виде сохраняются в других местах — библиотеках, книжных лавках и также в архивах. Предположим, что страшный пожар спалил и типографию Декера, и все архивы, библиотеки и книжные магазины по всем городам; предположим невозможное, что во всей Пруссии исчезли все хранилища писанных или печатанных законов, и ни одного закона в достоверной форме более не осталось.

Страна лишилась всех своих законов; ей не оставалось бы ничего другого, как заняться составлением новых законов.

Неужели же вы думаете, м.г., что в таких условиях можно было наделать по собственному произволу таких законов, какие только вдумались бы?

Представьте себе, что вы сказали бы: законов нет, напишем новые и в этих новых законах не дадим уже монархии того положения, которое оно занимала раньше, или даже вовсе не дадим ей никакого положения. Король на это мог бы смело вам ответить так: Да, старых законов нет, но что же из этого? Мне на деле повинуется вся армия, я прикажу, и коменданты арсеналов и складов выдадут ей пушки и заряды, и артиллерия выедет по моему приказу на улицу и я, опираясь на эту грозную силу, не позволю вам создать мне другого положения, кроме того, которое я сам пожелаю.

Король, которому повинуются войска и пушки, становится таким образом, частью конституции.

Вы бы могли сказать далее: из 18 миллионов пруссаков крупные дворяне-земледельцы только небольшая кучка; нам кажется странным, почему эта кучка должна или может обладать, составляя палату господ, таким же влиянием на государственные дела, как и все остальные 18 миллионов, почему эта палата господ, представительница самого немногочисленного сословия, смеет не только обсуждать, но и отвергать постановления палаты депутатов, выбранных всей нацией. Положим, что вы не только бы удивились такой несправедливости, но пожелали бы ее исправить и вовсе уничтожить палату господ.

Господа не могли бы вывести на вас своих крестьян, в этом сомнения; им прежде всего пришлось бы заботиться, чтобы целыми удрать от этих крестьян. Но, милостивые государи, крупные земледельцы-дворяне всегда пользовались при дворе большим

влиянием сумели бы убедить короля выслать против вас войско и сделали бы так легко, как будто войско находилось в их непосредственном распоряжении.

Таким образом, дворянство в связи с влиянием на короля и двор также является частью конституции.

Мы можем предположить и обратный случай: король и дворянство согласились восстановить в полной мере, а не только применительно к мелким ремеслам — в этом направлении несколько лет тому назад в действительности была сделана, правда неудачно, попытка — цеховое устройство восстановить его совершенно в том виде, как оно существовало в средние века, и подчинить ему, таким образом, всю промышленность, включая и машинное производство. Вы, вероятно, знаете, что в средние века цеховое устройство оставляло непреодолимые препятствия производительной деятельности крупного капитала: крупное, машинное производство в эту эпоху было совершенно неосуществимо. ...

Что же неминуемо произошло бы, если бы в настоящую минуту пожелали ввести цеховое устройство?

Все крупные хлопчатобумажные, шелковые и т.п. фабриканты закрыли бы свои фабрики и распустили бы рабочих. То же пришлось бы сделать управлениям железных дорог. Торговля и промышленность остановились бы. Многие из ремесленных мастеров отчасти по необходимости, а отчасти и намеренно распустили бы своих подмастерьев. Масса народа, оставшись без хлеба, вышла бы на улицы с требованием работы и хлеба. Безработных ободряла бы буржуазия: прячась за спиной пролетариата, она помогала бы ему деньгами и словами. Вспыхнула бы борьба, и победа в ней вряд ли осталась бы на стороне войска.

Таким образом, милостивые государи, крупные промышленники являются также частью конституции.

Представим себе далее, что правительство пожелало бы провести какой-либо закон, нарушающий интересы крупных банкиров, например, издало бы распоряжение, чтобы королевский банк перестал доставлять удешевленный кредит, как это он делает теперь именно крупным банкирам и капиталистам, которые и без того в настоящее время располагают всеми деньгами и всем кредитом и одни только пользуются привилегией дисконтировать в банке свои векселя, а поставил бы своим целью доставлять кредит людям небогатым и даже вовсе неимущим; все устройство королевского банка было бы соответственно новой его цели предназначено к полной реорганизации. Неужели вы думаете, м.г., что подобная реорганизация могла бы состояться?

Правда, по этому поводу не произошло бы никакого вооруженного восстания, но все же нынешнему правительству такая задача оказалась бы не под силу. Дело в том, милостивые государи, что правительству нашему время от времени надобится такая колоссальная сумма денег, которую в виде налогов оно собрать не решает; правительство в таких случаях прибегает к учету будущих средств государства, оно делает займы и выдает за них государственные бумаги. Займы невозможны без банкиров; хотя большая часть государственных бумаг в конце концов оказывается в руках мелких капиталистов и просто имущих классов государства, но подобное их распределение

требует известного времени, подчас довольно продолжительного, а правительство ощущает острую нужду в деньгах; деньги ему нужны сейчас же и все сразу или, по крайней мере, в очень не продолжительный срок; государство поэтому прибегает к помощи посредников; посредники эти выплачивают всю сумму сразу или в несколько сроков и уже постепенно сбывают полученные в обмен за деньги государственные бумаги широкой публике; барышом посредников является повышение в курсе бумаг, повышение, достигаемое искусственными путями влиянием на биржу самих посредников. Вот такими-то посредниками между правительством и народом и являются банкиры: вот почему правительству и не приходится в наше время с ними ссориться.

Итак, милостивые государи, и банкиры, и крупные капиталисты – вся вообще биржа – являются частью конституции.

Предположим теперь, что правительство по примеру Китая, пожелало бы ввести за воровство, совершенное сыном, наказание отцу. Подобный закон не получил бы применения – против него возмутилась бы общая культурность, общее сознание: все чиновники, даже в чине тайного советника, всплеснули бы руками, и сами члены палаты господ пришли бы в ужас. Таким образом, в известных пределах общая культурность, общее развитие являются также частью конституции.

Предположим далее, что правительство стало бы на сторону дворянства, банкиров, крупных промышленников и капиталистов и, проникшись их интересами, лишило бы мелкую буржуазию и рабочих их политической свободы. Можно ли было провести такое ограничение на деле? Из горького опыта мы знаем, что на время это удалось бы; ниже мы еще раз вернемся к этому вопросу.. Ну, а если бы правительство надумало лишить мелкую буржуазию и рабочих не только политической, но и личной свободы, т.е. захотело бы объявить их всех лично несвободными, крепостными или подданными землевладельцев, как это и было во многих странах в давно прошедшие времена. Удалось ли бы это, м.г.? Нет, этого достичь не могли бы даже совместными усилиями король, дворянство и все капиталисты. Вы бы воскликнули: «Мы этого не допустим ценою нашей жизни». Рабочие все вышли бы на улицу, хотя капиталисты и не закрывали бы фабрик, вся мелкая буржуазия соединилась бы с ними, и этот союз победить было бы нелегко. Таким образом, м.г., вы видите, что и вы сами в известных крайних случаях являетесь частью конституции.

Из всего вышесказанного мы можем уже сделать вывод и ответить до известной степени на вопрос, что такое конституция данной страны. Конституция является действительным отношением общественных сил страны.

Но что обыкновенно называют конституцией; сто такое конституция правовая? Нам нетрудно теперь ответить и на этот вопрос.

Упомянутые нами действительные отношения общественных сил записываются на бумагу, выражаются письменно, будучи записанными, они перестают быть уже только фактическими соотношениями, а становятся правом или правовыми учреждениями, неповиновение которым наказуется.

...Политическое могущество короля опирается на армию, это оружие его власти постоянно в сборе, организовано и прекрасно дисциплинировано; армию король может

двинуть против своих врагов каждую минуту без всяких промедлений и задержек. Сила, скрытая в народе, напротив того, если даже она на самом деле и больше силы постоянной армии, не организована, воля нации и особенно степень решимости, которой достигла эта воля, далеко не всегда и не легко становится известной членам этой силы: никто в точности никогда не сможет учесть, какая часть народа ответит на его призыв, пойдет за ним. Далее у народа нет орудия организованной силы, нет пушек, составляющих, как я уже говорил, одну из важных основ конституции. Правда, пушки покупаются на деньги граждан, правда, они изготавливаются и совершенствуются только благодаря наукам, выдвигаемым обществом тех же граждан и т.д.; одно существование пушек, таким образом, уже служит показателем силы буржуазного общества, успеха наук, техники и фабричного и вообще промышленного производства всякого рода.

Пушки изготавливаются исключительно для организованной силы, а народ твердо знает, что при всяком столкновении эти его детища, эти свидетели его силы будут обращены против него. Вот эти основания и являются причиной, почему организованная сила армии часто в течение долгого времени может командовать над значительно числом превосходящей ее, но неорганизованной силой народа, и только в конце изведенная продолжительным управлением и ведением общественных дел в смысле, противоположном нуждам и выгодам большинства, нация решается, наконец противопоставить организованной силе свою неорганизованную численность.

Мне удалось, думаю, в достаточной степени выяснить вам, милостивые государи, сущность обеих конституций какой-либо страны, конституции действительной — как реально существующего соотношения общественных сил страны и конституции писаной, которую в отличие от первой мы можем назвать хотя бы листом бумаги.

Реальную конституцию, действительный общественный уклад, как вы легко можете понять, имела и имеет всякая страна в любое время; совершенно ложно и ведет к неправильным заключениям думать, что в настоящее время делают весьма многие, что конституция составляет исключительную особенность новейшей эпохи. Каждая страна не может не иметь какую-нибудь реальную конституцию, какой-нибудь общественный уклад, хороший или дурной все равно, и это также верно, как верно то, что всякий организм, всякое тело имеет свое строение, свою, говоря иначе, конституцию. Это так понятно: ведь должны же в каждой стране существовать какие-либо реальные отношения между общественными силами.

Действительную, фактическую конституцию, таким образом, имели все страны и во все времена. Для новейшего времени характерной является не эта действительная конституция, а только писаная конституция; или, иначе говоря, лист или листы бумаги; это обстоятельство надо особенно себе заметить.

В новейшее время повсеместно наблюдается стремление установить писаную конституцию, собрать на одном листе бумаги, в одном акте основания учреждений и правительственной власти всей данной страны.

Какая причина характерного для новейшего времени всеобщего стремления?

Только ответив на этот важный вопрос, мы получим возможность решить, как следует составлять конституцию, каковы конституции уже существующие и как к ним

следует относиться; словом, только ответ на этот вопрос научит нас всему конституционному искусству и всей конституционной мудрости.

Повторяю свой вопрос: какая причина всеобщего, характерного для новейшего времени стремления к созданию писаной конституций? В чем может заключаться эта причина?

Не трудно понять, что для того, чтобы появилось такое стремление к созданию писаной конституции, необходимо, чтобы в стране, где это стремление появилось, произошла перемена в отношениях между общественными силами. Без этой перемены, при прежних неизменных действительных отношениях общественных сил не было бы никакого основания народу стремиться к созданию новой конституции, его вполне должна была бы удовлетворять старая, и самое большее, что следовало бы сделать, это собрать в одном акте все рассеянные в виде отдельных постановлений и грамот основные законы.

...Победоносная революция уничтожает все законы публичного права и только в крайнем случае сохраняет их временно до создания новых; только частное право оставляется революцией неприкосновенным.

Появилась, таким образом, необходимость в новой писаной конституции, и король по собственному почину созывает в Берлине национальное собрание, чтобы выработать, как говорили сначала, совместно с ним новую писаную конституцию или, как стали говорить позже, согласовать ее с королевской властью.

Спрашивается, когда же любая писаная конституция хороша и долговечна?

Не трудно понять, что таковой она будет только при соответствии с конституцией действительной, т.е. фактически существующими в стране соотношениями общественных сил: мы должны сделать такой вывод на основании произведенного здесь с вами исследования. Раз писаная конституция не будет соответствовать фактической, действительной, между ними неизбежно рано или поздно произойдет столкновение; предупредить это столкновение, нет возможности, и писаная конституция, этот лист бумаги, этот акт, неизбежно побеждается конституцией естественной, действительными соотношениями между общественными силами страны.

Что же следует поэтому делать?

Надо создавать не вымышленную писаную конституцию, а заняться устройством конституции действительной, т.е. в данном случае изменить существующие в стране соотношения общественных сил в пользу буржуазии.

Разница эта, если припомните, состоит в том, что сила народа не организована, а сила армии организована; армия всегда готова выступить в бой и вследствие этой готовности и организованности необходимо должна оказаться более стойкой и более способной, в конце концов, сломить силу народа, удержать и с течением времени победу за собой. Народ, как бы он ни был силен, не представляет организованного целого, и для того, чтобы он сплотился в дружную массу, нужны моменты чрезвычайного возбуждения, моменты, не продолжающиеся никогда слишком долгое время.

...На самом деле составление писаной конституции дело не важное, побочное; исполнить его, если бы встретилась острая надобность, можно было бы в двое-трое суток.

Это было бы делом, о котором следовало подумать после всего; конституция, написанная преждевременно, не могла не оказаться делом совершенно бесполезным.

Для того чтобы написанная конституция могла быть долговечной, необходимо было преобразовать действительные соотношения общественных сил страны, вмешаться в исполнительную власть и так ее преобразовать, чтобы она уже никогда не могла самовольно противопоставлять себя воле народа. Национальное собрание принялось писать конституцию слишком рано, и ему не дали даже дописать ее до конца, его разогнали при помощи не сломанных и не отнятых орудий исполнительной власти.

Могло быть и иначе. Представьте себе, что национальное собрание не было разогнано и ему удалось выработать и установить конституцию. Изменило ли бы это ход вещей?

Нимало, милостивые государи, и доказательство тому налицо. Хотя национальное собрание и было разогнано, но король по оставшимся от его работ документам сам написал и 5 декабря 1848 года провозгласил конституцию в главных своих основаниях совершенно такую, какую можно было ждать от национального собрания.

Конституция эта не была никем навязана королю, он провозгласил ее совершенно добровольно, провозгласил, оставшись победителем. Казалось бы, тут, в этой добровольности, — залог долговечности конституции.

На деле видим совершенно иное. Да и нельзя было ждать ничего другого.

Возьмем житейский пример... У вас в саду растет яблоня, а вы на нее повесили ярлык с надписью: фиговое дерево. Неужели от этого ваша яблоня и в самом деле стала фиговым деревом? Конечно, нет, яблоня осталась яблоней, и даже присяга всех ваших домашних и всех жителей окрестности, которые клятвенно заявили бы, что это не яблоня, а фиговое дерево, не совершила бы превращения. Яблоня на деле бы показала, что она осталась яблоней, и на следующий год принесла бы яблоки, а не фиги.

Точно так же дело обстоит и с конституцией. Что бы ни было написано на листе бумаги, не будет иметь никакой цены, пока отвечает действительному положению вещей, реальному соотношению между общественными силами.

Король в добровольно подписанном и изданном им 5 декабря 1848 года листе бумаги сам отказался от многих своих привилегий, сделал много уступок, но они противоречили конституции действительной, действительному соотношению общественных сил, противоречили той страшной фактической силе, которую король продолжал держать в своих руках, несколько не ослабленной. Действительная конституция поэтому должна была шаг за шагом биться через конституцию, писанную с такой же необходимостью, какая заключается в законе тяготения.

Конституция 5 декабря 1848 года была одобрена ревизионным собранием, но король уже в 1849 году сделал в ней первое существенное изменение, издав новый закон о трехклассных выборах. Парламент, выбранный на основании этого закона, помог провести дальнейшие изменения в конституции; изменения эти меняли часто самые существенные ее пункты и продолжались вплоть до 1850 года, когда король, наконец, присягнул конституции. Присягнул, а после присяги началась какая-то вакханалия ее переделок. С

1860 года не проходило года без того, чтобы в конституцию не было внесено поправок, переделок и дополнений. Никакое знамя из сражений не выходит таким изодранным и прострелянным, как стала наша конституция.

Пойдем дальше. Вы знаете, милостивые государи, что в нашем городе имеется партия, органом которой служит "Народная Газета". Партия эта, столпившись около обрывков знамени, изображающего собой нашу конституцию, именуя себя поэтому «неизменными приверженцами конституции», и с лихорадочным ужасом вопит: "Будем держаться конституции, ради Бога, конституция, конституция, караул, погибаем, горим, спасите, конституция!"

Какое заключение вы можете неизменно сделать, раз где и когда бы ни было увидите партию, избравшую своим боевым кликом трепетный вопль: "держитесь за конституцию"? Я спрашиваю вас при этом — обратите внимание — не о намерениях или пожеланиях ваших, а только и исключительно о мыслях, какое заключение сделаете вы на основании этого явления?

Совершенно не обладая даром пророчества, вы тем не менее с полной уверенностью скажете: конституция дышит на ладан, она почти уже труп, через несколько лет от нее не останется и следа.

Несложны и причины этого явления. Если бы конституция писаная соответствовала действительной, т.е. фактическому соотношению между общественными силами данной страны, то подобного приведенному нам воплю не могло бы раздаться. Никому и в голову не придет подступиться или коснуться такой конституции. Всякий знал бы, что ему не сдобровать в борьбе с конституцией, и никто не отважился бы на эту борьбу. Там, где писаная конституция отвечает действительной, немислимо, чтобы какая бы то ни было партия взяла себе лозунгом: "держаться за конституцию". Подобный лозунг служит прямым непосредственным и несомненным признаком того, что в писаной конституции есть вещи, противоречащие действительному соотношению общественных сил, подобный лозунг есть не что иное, как крик страха. Но раз противоречие между писаной и действительной конституцией существует, первая должна погибнуть; это неизбежно, и никакой вопль не спасет ее. Конституция при этом может изменяться в две противоположные стороны — вправо или влево, но неизменной оставаться не может. Вопль о ее сохранении указывает на это с несомненностью и ясностью. Если правительство предпримет изменение конституции, чтобы согласовать ее с фактическими условиями организованной силы в обществе, то изменение произойдет вправо. Если на сцену выступит неорганизованная сила общества и докажет свое превосходство над организованной, то изменение конституции будет сделано влево. Но, во всяком случае, конституция в прежнем виде существовать больше не может.

Милостивые государи, если вы не только хорошо запомнили мою речь и тщательно ее продумали, но и сделали из нее возможные выводы, вы явитесь обладателями всей той мудрости и всего того искусства, которые нужны для того, чтобы понимать и составлять конституцию. Вопрос о конституции есть прежде всего вопрос силы, а не права; действительная конституция представляет собою действительные соотношения общественных сил страны; писаная конституция только тогда имеет значение и долговечность, когда является точным отражением этого соотношения.

Запомним хорошенько принципы моей сегодняшней речи, вы, милостивые государи, когда вам самим придется делать конституцию, будете уже знать, на что обратить внимание, как поступать; вы будете знать, что достигнете желаемых результатов не исписыванием листов бумаги, а исключительно изменением отношения фактических сил общества.

Приводится по: Лассаль Ф. О Сущности конституции. СПб., 1906.

ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ СПЕКТОРСКИЙ

(1875-1954)

ЧТО ТАКОЕ КОНСТИТУЦИЯ?

... Исторические материалисты... усвоили учение Карла Маркса, согласно которому конституционные и всякие иные правовые и государственные идеи и установления не имеют ни решающего, ни вообще существенного значения, ибо главное в общественной жизни — это борьба экономических классов, преимущественно капиталистов и рабочих, за хозяйственные блага. В этой борьбе конституции и кодексы как бы сами собою, автоматически надстраиваются над экономическим фундаментом общества, отражая существующее в нем реальное соотношение сил. С точки зрения такого понимания вещей, бесплодны все усилия юристов и политиков дать своей стране возможно лучшую конституцию или вообще какую бы то ни было искусственную конституцию: ведь у каждой страны и без этих усилий есть своя совершенно естественная конституция, иными словами, реальное соотношение общественных сил. Как объяснил другой немецкий социалист Лассаль в речи "О сущности конституции", сущность прусской конституции состоит вовсе не в статьях основных законов, составленных юристами, а во взаимодействии сил короля, опирающегося на армию, дворянство, владеющее поместьями, промышленников, купцов, но также и ремесленников и рабочих, поскольку они тоже представляют реальную силу.

Все эти рассуждения ошибочны в двояком отношении. Во-первых, они основаны на смешении права и факта. Одно дело правомерное соотношение сил, другое дело — фактическое. Когда убийца или грабитель нападает на свою беззащитную жертву, получается вполне определенное реальное соотношение сил в данный, по крайней мере, момент. Но кто станет утверждать, что такое соотношение и есть единственно возможное право? Во-вторых, как бы ни была непримирима экономическая борьба классов, есть известные блага, предоставляемые конституцией, которые равно ценны для каждого человека, независимо от его принадлежности к тому или иному классу. И капиталист и рабочий, и горожанин и крестьянин равно заинтересованы в том, чтобы не подвергаться произвольному аресту, иметь право свободно высказывать свои мнения, участвовать в управлении страной и т.п. Словом, конституция есть нечто такое, что, несколько не устраняя классовой борьбы и отнюдь не обещая этого, равно необходима для всех,

подобно просвещению и другим благам культуры. Тем не менее, у нас очень распространено убеждение, что вне экономических классов и их борьбы нет и не может быть ничего в обществе, что сообразно с этим у каждого общества имеется и без юристов своя естественная, стихийная конституция, и что стремление к искусственной конституции соответствует идеологии и интересам лишь господствующей в настоящее время буржуазии.

Конституционное начало встречает немало и других возражений, и притом не только в реакционных, но также и в революционных кругах. Одни отвергают его во имя так называемой диктатуры — диктатуры рабочего класса, пролетариата и т.п. групп. При этом они упускают из виду, что диктатура — это ничем не ограниченная, самодержавная власть. И такая власть "всегда может выродиться в произвол и даже деспотизм, совершенно независимо от того, принадлежит ли она одному лицу, например монарху, или же представителям класса, а то и целому классу. Власть всегда опьяняет тех, кто ею пользуется. И чем сильнее власть, тем больше опасность злоупотребления ею. Другие отвергают конституцию потому, что она рассчитана на мирное, органическое течение государственной жизни. Они же, мятежные, ищут бури. Они предпочитают течение критическое. Они — сторонники непрерывной ("перманентной") революции. Но при этом они упускают из виду, что революция — это как бы лихорадка общественного тела. Временная лихорадка обновляет организм, постоянная же убивает его. А кроме того, после лихорадочного возбуждения обыкновенно наступает слабость, апатия, усталость. И вот нельзя рассчитывать на то, чтобы революционное возбуждение длилось годами и даже вечно. Люди не могут долго выдержать напряженного ожидания переворотов, когда завтра, завтра утром, а, может быть, еще и сегодня вечером может наступить полное изменение всех общественных и политических отношений. Опыт истории слишком убедительно показывает, что за эпохами революционного подъема неизбежно следуют такие времена, когда общество устает, впадает в апатию, теряет веру не только в революции, но даже и в реформы. Тогда оно отказывается от сознательного переустройства своей жизни и предоставляет себя во власть или естественного, косного течения событий, или даже реакционных сил, которые обыкновенно в это время поднимают голову и торжествуют. И вот очень неосмотрительно поступают те, которые, пренебрегая этим обычным исходом революционных движений, тешат себя и других иллюзией вечной революции и не спешат использовать революционный кризис для того, чтобы закрепить фактическую свободу,

превратить ее в правомерную и тем достойно подготовиться к борьбе с апатией и реакцией.

Таким образом, конституция необходима для всякого государства. Особенно она необходима для государства, переживающего революцию. Мало сбросить устаревшие формы политической жизни. Необходимо установить новые формы. Мало завоевать свободу. Необходимо ее обеспечить. И обеспечить ее надлежит не только силой, ибо сила может иссякнуть или столкнуться с большею и враждебной силой, а правом и законом. Какое же обеспечение делает данное государство конституционным? Иными словами, что такое конституционное государство?...

И вот конституционным государством является такое, где власть не только организована, но еще и ограничена, и притом не фактически только, а юридически или правомерно, ограничена же она ни чем другим, как признанием за населением публичных прав или политической свободы. Осуществляя эти права население превращается из управляемых подданных в самоуправляющихся граждан.

Совокупность таких ограничений образует конституцию данной страны, не ту, о которой говорил Лассаль и которая представляет лишь фактический учет реальных сил страны, а ту, о которой учат юристы и для которой право выше факта.

По способу происхождения писанные конституции делятся на пожалованные или октроированные, и устанавливаемые волею народа. Конституция октроируется тогда, когда монарх, обладающий всей полнотой... власти, сам себя ограничивает и уступает населению те или иные публичные права. За вычетом этих уступок вся полнота власти по-прежнему остается у монарха. Иной характер конституций, устанавливаемых волею народа (обыкновенно на учредительном собрании). Здесь вся полнота власти принадлежит народу. Ему принадлежит власть учреждающая. От него же происходят и власти учреждаемые.

По степени легкости изменения в будущем конституции делятся на твердые и гибкие. Твердые конституции — это такие, которые составляют раз навсегда и которые, сообразно с этим, или совсем не подлежат изменению, или же могут быть изменены с большим трудом, путем очень сложной процедуры, созыва специальных учредительных собраний или обычных законодательных собраний, но с новым составом депутатов и с решением вопросов путем усиленного ("квалифицированного") большинства и т.п. В основе каждой твердой конституции лежат две идеи. Во-первых, ее авторам кажется, что они и могут, и должны все решительно предусмотреть, и притом на вечные времена —

подобно тому как в старину условия мира после войны обыкновенно тоже составлялись на вечные времена (что, однако, нисколько не предотвращало новых войн, начинающихся нередко очень скоро после заключения мира). Во-вторых, авторы твердых конституций убеждены, что в политике, как и в математике или логике, есть вечные истины, вечно настоящие, обязательные для всех времен. И вот им кажется, что настоящая конституция каждой страны и должна быть такою вечно истинною конституцией. Так, например, в XVIII веке многие считали необходимой принадлежностью истинного устройства власти ее деление, согласно учению французского писателя Монтескье, на три самостоятельные власти — законодательную, исполнительную и судебную. В разделение властей верили до того, что, например, философ Кант истолковывал христианский догмат троичности Божества в смысле разделения небесных властей тоже на законодательную, исполнительную и судебную. Известная французская декларация прав 1789 г. провозглашала, что государство, в котором не установлено разделения властей, не имеет конституции. Основываясь на этой вере, авторы конституции северо-американских штатов положили в ее основание начало разделения властей. Это начало действует в Америке и до сих пор, спустя сто тридцать лет и является препятствием к принятию Америкой так называемого парламентаризма, т.е. зависимости исполнительной власти министров от законодательной власти палаты представителей.

Гибкие конституции построены на двух началах. Во-первых, на мысли о том, что не следует делать различия между учредительной и законодательной властью, между основными законами и обыкновенными. Такое различие еще уместно в странах с сильной монархической властью, позволяющей подданным участвовать в обычном, будничном законодательстве и сохраняющей за собой распоряжение основными законами в порядке пожалования. Но в странах демократических, где, даже и при наличности королевской власти, как в Англии, законодательство в полном объеме принадлежит палатам народных представителей, о таком различии не может быть и речи. Там действует иное начало — верховенство законодательных палат и их всемогущества. Таково, например, всемогущество английского парламента, который, как говорят, не может сделать только одного — превратить мужчину в женщину и обратное. Все же остальное он может сделать, значит также и изменить ту или иную часть английской конституции. Кроме того, авторы гибких конституций полагают, что в политике все относительно, нет ничего вечного и что сообразно с этим не следует связывать воли будущих поколений, господствовать над ними из-за могилы. Один из авторов французской конституции 1793 г.

Кандорсе, который, будучи сам крупным математиком, слишком хорошо понимал, как велика разница между математическими и политическими истинами, предлагал даже обязательно созывать новое учредительное собрание через каждые 20 лет, т.е. с появлением каждого нового поколения, которое могло бы сознательно пересмотреть и усовершенствовать работу предшествовавшего поколения.

Некоторые конституции являются полугибкими-полутвердыми. Такова, например, нынешняя французская конституция. С одной стороны, она может быть сравнительно легко изменена, хотя и не в совсем обычном законодательном порядке: проект изменения голосуется сначала в обеих палатах отдельно, затем в их соединенном заседании, причем требуется усиленное большинство голосов. Но, с другой стороны, одна особенность французской конституции, так сказать, забронирована навсегда: это именно республиканская форма правления; она ни в коем случае не может быть отменена. Таким образом, у Франции есть законные пути для изменения избирательной системы, перехода от двухпалатной системы представительства к однопалатной, расширения или сокращения власти президента и т.п. Но для перехода от республики к монархии законных путей нет. Такой переход возможен только в виде насильственного переворота.

Вопрос о том, какая конституция предпочтительнее — гибкая или же твердая, решается далеко не единодушно. В пользу твердых конституций говорит то, что они стремятся создать прочный государственный порядок и установить незыблемые принципы общежития людей. Но против них говорит то, что они лишают будущие поколения возможности перестраивать свою жизнь мирным путем и, в случае накопления слишком большого недовольства старым строем, толкают их на путь революции. В пользу гибких конституций говорит то, что они считаются и с эволюцией, т.е. развитием жизни с течением времени, и с необходимостью реформ. Против них говорит то, что они как будто не видят никакой разницы между изменением государственного строя и так называемой законодательно вермишелью, т.е. мелкими законами, которые в большом количестве чуть не ежедневно проходят через палаты представителей при случайном составе депутатов.

Может возникнуть вопрос, что должна в себе содержать писаная конституция и чего в ней не должно быть. Она должна содержать в себе законы об организации публичных властей, а также законы о публичных правах населения, ограничивающих эти власти; Этой последней стороне дела во время французской революции 1789 г. придавали такое большое значение, что, прежде чем составлять конституцию, составили знаменитую декларацию прав человека и гражданина. В нынешней французской конституции 1875

года нет ни такой декларации, ни даже особого перечисления политических свобод граждан. Это, конечно, не значит, что эти свободы не признаются во Франции и что они не ограничивают ее властей. Это просто значит, что ли свободы еще до конституции получили признание и судебную защиту. И посему там можно уже обойтись без специального упоминания о них, чего никак нельзя сказать про более отсталые в политическом отношении страны.

Вот собственно и все, что должно быть в писаной конституции. Против этого одного погрешают многие конституции. В них много таких постановлений, которые относятся собственно к обычному законодательству и которые только загромождают конституцию. Так, например, прусская конституция предусматривает, что народные учителя будут получать казенное жалование, германская устанавливает понижение железнодорожного тарифа, швейцарская — воспрещение убоя скота по еврейскому ритуалу, конституции отдельных американских штатов — законы против пьянства, азартные игры, проституции и т.п. Все эти законы попадают в конституции или вследствие того, что им придают особую важность, или потому, что не различают по существу конституционных и обыкновенных законов, или, наконец, потому, что, как в Америке, обыкновенный закон может быть отменен судом вследствие его несоответствия конституции, а конституционный закон судом уже отменен быть не может; и поэтому всякого рода мероприятия против пьянства, игры и распутства как нарушающие гарантированную конституцией свободу личности распоряжаться собой хотя бы и во вред самой себе могут получить силу закона только путем включения в конституцию.

Наконец, в настоящей конституции не должно быть никаких экономических законов. Авторы французской конституции 1848 г. хотели было включить в нее право на труд, но затем отказались от того. Как бы ни были важны экономические проблемы, как бы неотложно ни было их разрешение, оно должно быть сделано в порядке особого социального законодательства. И оно не должно осложнять собой конституции. Конечно, в благоустроенном государстве нельзя обойтись без обширной социальной политики. Но относительно ее задач и размера отдельные люди и классы, вероятно, еще долго будут спорить, тогда как относительно основ благоустроенной государственной жизни эти же самые люди и классы скорее могут прийти к соглашению. Так, например, по вопросам политическим программа-минимум социалистов почти совершенно совпадает с программой так называемых буржуазных партий, что отнюдь не мешает им расходиться в

своих экономических программах. Посему выработка конституции и может, и должна быть выделена в особую задачу.

Сообразно с этим конституция обещает много, но далеко не все.

Она не устраняет социальной борьбы, религиозной, классовой и иной. Зато она вводит ее в культурную форму. Она не производит социальных реформ. Зато она создает для них законную возможность. Она вообще не разрешает по существу ни одного общественного вопроса. Зато без нее нельзя разрешить ни одного вопроса, ибо она устанавливает пути для разрешения всяких общественных вопросов. И хотя конституционная идея имела немало мучеников, пострадавших за нее, особенно у нас в России, она теперь носит не столько принципиальный, сколько чисто технический характер. Хорошая конституция — это все равно, что хорошие пути сообщения. Кто заботится о них, тот не спрашивает, почему и зачем едут пассажиры, должны ли они вообще ехать; тот просто старается увеличить число поездов, ускорить их ход, удешевить проезд и т.п. Подобным же образом и конституция формальна. Она стремится всем обеспечить свободу передвижения, слова, веры, участие в государственных делах. И при этом она не читает в сердцах, не справляется об убеждениях, о принадлежности к той или иной партии. Вот почему в свою очередь все партии, при всей своей борьбе по другим вопросам и могут и должны сойтись на вопросе о конституции, ибо она гарантирует общечеловеческие блага — свободу и порядок. И если как удастся упрочить у себя в России прочный конституционный строй, то в отличие от наших предков, призывавших варягов, мы вправе будем сказать: земля наша велика и обильна, и порядок в ней есть.

Приводится по: *Спекторский Е.* Что такое конституция? М., 1917. С. 6-8, 10-16.